

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

УДК 811.161.1'42

Современный писатель-сатирик как языковая личность

Габидуллина А.Р.

Горловский институт иностранных языков, г. Горловка, Украина

В статье характеризуются языковые особенности произведений современных писателей-сатириков М. Жванецкого, М. Задорнова, В. Ерофеева. Общим чертой их идиостиля является парадоксальность как высказывание, содержащие противоречие. Охарактеризованы такие стилистические приемы создания иронии, как антитеза, антифразис, каламбур, зевгма, разные виды амплификации и др.

Ключевые слова: *ирония, ироническая языковая личность, парадокс, антитеза, антифразис, каламбур, зевгма.*

В современной лингвистике не ослабевает интерес к изучению разных типов языковой личности (ЯЛ), в том числе и личности авторов комического текста. *Актуальность.* Рассматриваются вопросы о соотношении комического и его языкового выражения (С.С. Ефимова, В.И. Карасик, И.В. Попченко, А.А. Синявский, Г.Г. Слышкин и др.), затрагиваются социолингвистические и лингвокультурологические аспекты изучения «эффекта обманутого ожидания» (О.С. Ахманова, М.Р. Баландина, Э.М. Береговская, И.Б. Голуб, Е.А. Земская, О.Е. Карачина, О.Ю. Коновалова, О.А. Крылова, О.А. Лаптева, М.А. Панина и др.), определяется роль комического в структуре языковой личности (А.Н. Войткова, М.В. Мироненко, И.В. Попченко), даны ее дискурсивные характеристики, анализируется интенциональность юмористического дискурса, коммуникативная компетенция языковой личности автора-сатирика, ее прагматическая установка и т. п.

В научный обиход введены понятия «остроумная языковая личность» (В.И. Карасик, А.Н. Войткова, Е.Л. Колесниченко и др.), креативная языковая личность (И.В. Попченко), личность *homo ludens* (Т.В. Кыштымова), коммуникативная личность шутника (М.В. Мироненко), при этом типология шутников строится на следующих основаниях: а) противопоставление институционального шута и «неинституционального» шутника; б) противопоставление по количественной градации (постоянное/частное шутовство – шутовство время от времени); в) отношение социума к шутнику; г) различия в мотивационной доминанте шутников; д) объекты шутовства; е) виды и жанры комического [3, с. 5].

В статье речь пойдет о языковой личности современных писателей (М. Задорнова, М. Жванецкого, В. Ерофеева и др.), чью ЯЛ нельзя характеризовать только как юмористическую (в том числе шутника) или сатирическую. Скорее, это ироническая языковая личность, поскольку названная модальность в их произведениях является преобладающей. В основе механизмов создания иронического смысла лежит «коннотативная ассоциативность, которая возникает при интерференции имплицитных смыслов, знаковых образов и понятий и аксиологической сущности иронии» [4].

Цель статьи – показать особенности идиостиля современных сатириков.

Комический дискурс названных выше писателей парадоксален. Намеренное использование этой фигуры мысли в современной литературе и на эстраде можно рассматривать как устойчивую тенденцию, своего рода языковой маркер времени. Причины появления такой тенденции в языке в определенной степени носят экстралингвистический характер. Современного адресата трудно удивить, и, чтобы привлечь его внимание, требуется достаточно сильные экспрессивные средства, при использовании которых ставка делается на неожиданность, шок. Другая причина: алогичность, парадоксальность, абсурд событий, происходящих в странах СНГ. Парадокс мы понимаем как высказывание, содержащие противоречие, в котором противопоставляемые единицы истинны как отдельно взятые, но абсурдны или логически ложны в совокупности. Он реализуется в грамматически правильных структурах, выстроенных на основе алогической связи двух противоречивых компонентов (эксплицитного или имплицитного характера).

Иронический эффект может возникнуть в результате референциальной неистинности высказывания, логического абсурда. Парадоксальные ситуации в произведениях писателей часто гипертрофированы, т. е. находятся на пути к абсурду: *Костюм «Евы» ей очень идет, только ушить нужно кое-где* (М. Жванецкий). О-пропозиция – ‘Ева голая’. П-пропозиция – ‘Голая одета’.

Ироничным может быть высказывание, в котором нарушены причинно-следственные связи, отчего следствие, вывод не вытекают из посылки, условия: *Когда у меня кончились последние деньги, я купил себе гоночный автомобиль. <...> По своим качествам мой гоночный автомобиль не знал себе равных и потому почти не участвовал в соревнованиях* (В. Ерофеев. Небо по колено). Из всех законов логики (тождества, непротиворечия, исключения третьего, достаточного основания) чаще всего писатели нарушают закон непротиворечия, который гласит, что две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одном и том же отношении, сразу вместе не могут быть истинными: *Они не могут жить без гениев, а с гениями жить совсем не могут* (В. Ерофеев «Писательские жены»); *Самый опасный враг – любимый человек* (В. Ерофеев «Рак любви»). Как правило, парадоксальность здесь обусловлена антонимичностью высказывания: *Как всякий человек, я ненавижу терять. Но, как всякий русский, я люблю подсчитывать потери* (В. Ерофеев «Соблазн сравнения») – два противоречивых требования находятся в прямой зависимости друг от друга.

Нередко авторская ирония в произведениях М. Задорнова, М. Жванецкого, В. Ерофеева обусловлена законом асимметрического дуализма языкового знака, в частности его омонимией, синонимией, а также наличием в языковой системе словообразовательной производности, антонимических, конверсивных, партонимических отношений и пр.

Пример иронических высказываний М. Жванецкого, созданных с использованием конверсивов: *На дверях КГБ: «Прием граждан круглосуточно». – А выдача когда?»; Я тот же геолог, который ищет-ищет, хотя ничего не потерял. Великий русский язык: фразы «Я тебя не забуду» и «Я тебя запомнил» имеют разный смысл.*

Высказывания М. Жванецкого, строящиеся на партонимических отношениях: (1) *Жизнь – как рояль: клавиша белая, клавиша черная... крышка.* (2) *По тому, как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично.* (3) *Расплата за богатство: изоляция, охрана, стресс и риск не вернуться домой. Расплата за бедность – масса свободного времени, любовь, дружба, легкое перемещение в пространстве и мечта разбогатеть, чтобы отведать сказанное выше.*

Каламбур – одна из самых распространенных фигур, участвующих в создании иронического эффекта. В качестве доказательства приведем фрагмент статьи О.А.

Черепановой о фельетоне М. Задорнова «Тайный смысл»: *"А этот дважды Герой оказался дважды дутым Героем. Единственный героизм, который он проявил, – это сумел дважды оформить документы на Героя"* В данном случае *"оформление документов на Героя"* названо иронически *"героизмом"*. Со словом *героизм* вне данного контекста мы связываем только положительную эмоциональную оценку: *героизм* – 'героический дух, образ действий, присущий герою'. *Герой* – 'выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиги'. Скрытый смысл данного словоупотребления заключается в себе неодобрительную оценку автором человека, который ради славы и почета, причем незаслуженных, "сумел" после долгих и нелегких "походов" по соответствующим инстанциям получить высокое звание – "Герой Советского Союза" [4, с. 191-192]. Хорошей иллюстрацией является каламбур М. Жванецкого: *Каждый народ имеет то правительство, которое потом его имеет*. «Иметь» – '1. Обладать, располагать, владеть, 2. Находиться с кем-то в половой связи'.

Иронический эффект нередко создается с помощью антитезы – стилистической фигуры контраста, заключающейся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом: *Страна жила при Сталине без Сталина* (В. Ерофеев. Пятый инсульт товарища Сталина); *Поэмы не было бы, если бы ерофеевское «я» и русское «мы» были раздельны. Поэма состоялась, ибо ерофеевское «я» и русское «мы» оказались неслиянны* (В. Ерофеев. Гений «без»); *Наша Родина состояла из двух человек. Другие были не в счет. Звали их Сталин и Молотов* (В. Ерофеев. Черное море любви).

Для создания иронического эффекта писатели используют разные виды антитезы: амфитезу (примеры выше), антанагогу, аллойозис, актротезу и мукабалу, синкрисис.

Антанагога представляет собой уравнивание какого-либо утверждения противоположным аргументом: *Нормальный человек в нашей стране откликается на окружающее только одним — он пьет. Поэтому непьющий все-таки сволочь* (М. Жванецкий. Мысли).

В описываемом ниже примере представлен аллойозис – развернутое сопоставление, сложная, более «глубокая антитеза». Как правило, она является композиционным приемом создания парадокса на уровне СФЕ (ССЦ) или текста. Так, эссе М. Жванецкого «XX век» целиком построено на противопоставлении. *Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство, не нуждается во встречах, переписке, горячих разговорах и даже допускает наличие одного дружащего, откуда плавно переходит в общение <...>. Мы уже не говорим о том, что правда второй половины XX века допускает некоторую ложь и называется подлинной. Мужество же наоборот, протекает скрытно и проявляется в экстремальных условиях трансляций по телевидению. Понятие честности толкуется значительно шире: от некоторого надувательства и умолчания, до полного освещения крупного вопроса, но только с одной стороны. Значительно легче переносится принципиальность – она теперь допускает отстаивание двух позиций одновременно. Поэтому споры стали более интересными, ввиду перемены спорящими своих взглядов во время спора, что делает его трудным для наблюдения, но более коротким и насыщенным. Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой.*

Весь смысл эссе в том, что при социализме основные этические концепты (дружба, честность, принципиальность и пр.) претерпели значительные изменения – и не в лучшую сторону.

В основе синкрисиса (синкрисиса) лежит противопоставление переносных или прямого и переносного значений входящих в антитезу компонентов: *В историю трудно войти, но легко вляпаться* (М. Жванецкий). Комический эффект построен на

контрасте между прямым (*вляпаться*) и переносным (*войти в историю*) значениями глаголов, подкрепленном антонимической парой *трудно – легко*.

Часто антитеза усиливается антифразисом, что позволяет, по мнению Е.Л. Колесниченко [2], придать высказыванию более выраженную иронию: *Пришел – спасибо, ушел – большое спасибо...* (М. Жванецкий).

Ироничность высказываний современных писателей нередко порождается сознательным объединением в ряд однородных членов слов из разных семантических полей, образующих фигуру силлепсиса: *Жить без паспорта, без прописки, без диплома и нижнего белья, безоглядно, безотчетно, безудержно, беспробудно, безжалостно, бескомпромиссно – все это значит по-русски жить безукоризненно* (В. Ерофеев. Гений «без») – семантические поля, связанные со статусом человека, его образованием и предметами гигиены; *Маринина – атеистка, подполковник милиции и дама, приятная во всех отношениях* (В. Ерофеев. Мусор на совке) – в одном ряду представлены слова, называющие отсутствие религиозности, профессию и аксиологическую оценку); *Гитлер был симпатичный парень, сущее ничтожество, к тому же типичный еврей* (В. Ерофеев. Черное море любви) – семантические поля, связанные с внешностью человека, его человеческими качествами и национальностью; *В ЮАР меня привели детская мечта увидеть реку Лимпопо и статья в английском журнале* (В. Ерофеев. Страна-огонь) – объединение в одному ряду абстрактного и конкретного существительного.

Ироническое эссе В. Ерофеева «Сочувствие» показывает различия в восприятии трагедии с подводной лодкой «Курск» на Западе и в России: английская журналистка заплакала, а российская заметила: «Если обо всех плакать, то не наплачешься. Жизни не хватит». Этот факт дал автору повод рассуждать о том, что такое «сочувствие по-русски»: *Мы жалостливы, но без сочувствия. Получается, на первый взгляд, парадокс. На самом деле, в этом и есть наша слабость. Жалостливость – инстинкт, черта «любовной» беспомощности, одним словом, размазня. Пожалеют, но не могут, ну, разве утешат. На другое нет сил. Нет умения бороться. Сочувствие – это состояние личности, которое может мобилизоваться и прийти на помощь в беде, или, если случилась трагедия, помочь тем, кто стоит вокруг гроба. Кстати, о словах: не мертвое правительственное «соболезнование», а «сочувствие» нужно людям. <...> А сочувствие – это и есть энергия любви, обращенной к горю.* Сочувствие трактуется в словаре С.И. Ожегова как ‘отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других’. Синонимами к этому слову являются «сострадание», «сопереживание», «соболезнование». Виктор Ерофеев соединяет эти понятия. Сочувствие русских для него – это «равнодушие в превосходной степени» (Дон-Аминадо), синоним жалостливости как склонности к состраданию. Из той же области «соболезнование» – формальное сочувствие. Сочувствие западных людей – это действенное сострадание, сопереживание, которое сродни эмпатии – ‘способности чувствовать то же самое, что чувствуют другие’; это способность быть в контакте с другим человеком, способность воспринимать его чувства, не закрываясь от него, способность воспринимать его точку зрения, то есть то же самое, что и при сочувствии, но при этом человек сохраняет способность переключаться на свою вселенную, воспринимать свою точку зрения.

Еще одним приемом создания иронии является плеоназм – «фигура амплификации, основанная на отношениях тождества или почти полного тождества слов или словосочетаний, соотносимых с одними и теми же предметами и явлениями» [6, с. 258]: *Придумали понятие «народ», чтобы обманывать отдельных людей* (М. Жванецкий). Одно из значений многозначного слова *народ* – ‘то же, что люди’. Парадоксальность высказывания строится на обыгрывании разных значений первого слова: не только *люди*, но и ‘население государства, жители страны’, ‘нация, националь-

ность, народность', 'основная, трудовая масса населения страны' [там же]. Понятия «народ» и «люди» М.М. Жванецкий иронически противопоставляет: для бюрократической верхушки народ – это не люди, а бесформенная «масса», с которой можно делать всё, что заблагорассудится.

Другой пример находим у М. Задорнова: "И уж конечно надо бы продолжить главный шедевр плакатного искусства: "*КПСС – верный помощник партии*". Вариантов для продолжения масса: "*ВЛКСМ – ближайший соратник комсомола*", "*ВЦСПС – закадычный друг профсоюз*!" (М. Задорнов. Тайный смысл).

Для произведений современных писателей (юмористов, сатириков) характерно «взрывание изнутри» общеизвестных выражений, что приводит к парадоксальности. Наблюдаются разнообразные трансформации фразеологических единиц (ФЕ), в том числе паремий, «крылатых выражений» и языковых штампов: 1) семантические трансформации (преобразование семантики с сохранением структуры общеизвестного выражения); 2) структурно-семантические трансформации устойчивых конструкций, затрагивающие как форму, так и содержание. Покажем эти процессы на примере произведений В. Ерофеева.

Семантические трансформации осуществляются за счет буквализации переносного значения ФЕ: *Писательские жены – это бульон из кур, которые попали не в свою тарелку* («Писательские жены»): ср.: *не в своей тарелке* – 'неуютно, дискомфортно; не на должном месте, вне привычной обстановки; в плохом расположении духа, не в настроении'.

К парадоксальному смыслу приводят такие структурно-семантические трансформации пословиц, поговорок и «крылатых выражений», как расширение компонентного состава устойчивого выражения (*прокрустово ложе святости* – ср.: *прокрустово ложе*); замена компонентов (*обрушил на меня ушат информации* («Страна-огонь») – ср.: *ушат воды*; *любовь в одни ворота* («На чердаке») – ср.: *игра в одни ворота*); комбинированные структурно-семантические трансформации (*Деньги схожи для них с красотой – та же «страшная сила»* («Хорь и Калиныч») – ср.: «Красота – страшная сила»); использование паремий и крылатых слов как прецедентных высказываний (*Мы все вышли не из гоголевской шинели, а из позора нижнего белья* («Россия в нижнем белье»); использование аллюзий (... *Гюнтер Грасс твердил, что все мы – Сизифы, напрасно прущие камень в гору* («Китайский лётчик»)).

Выводы. В комическом дискурсе названных выше писателей намеренно нарушаются привычные стереотипы, карнавально переворачиваются нормы общества. Они невероятно талантливы, и все-таки пальму первенства я отдаю М. Жванецкому. По словам Гришковца, само присутствие этого автора «в нашем времени и нашем пространстве очень усложняет жизнь многим. На его фоне прекрасно видна бессмыслица, кривляние, пошлость, непрофессионализм, глупость, корыстолюбие, предательство собственного достоинства и своей профессии... Да и просто кому-то, кто ещё не окончательно потерял совесть, может быть в какой-то момент страшно и стыдно оттого, что то, что он сделал, или то, что он сказал, может услышать Жванецкий... Лично я часто думаю: "А как бы вот это он оценил?" Хочется сказать: "Спасибо за то, что лично мне Вы жизнь точно усложняете" [7].

Список литературы

1. Войткова А.Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория язык. / А.Н. Войткова. – Иркутск, 2011. – 19 с.
2. Колесніченко О.Л. Парадокс у творах М.М. Жванецького: семантико-стилістичний і комунікативно-прагматичний аспекти: автореф. дисс. ... канд. филол. наук:

- 10.02.02. – російська мова / О.Л. Колесніченко. – Дніпропетровськ, 2013. – 20 с.
3. Мироненко М.В. Коммуникативная личность шутника: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / М.В. Мироненко. – Волгоград, 2005. – 20 с.
4. Орлова Г.В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе: Жанр обозрения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Г.В. Орлова. – СПб, 2005. – 20 с.
5. Черепанова О.А. Языковая игра в фельетоне М. Задорнова «Тайный смысл» / О.А. Черепанова // Художественный текст: структура, семантика, грамматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 188-201.
6. Хазагеров Т.Г. Общая риторика: Курс лекций. Словарь риторических приемов / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320 с.
7. Сайт М. Жванецкого – Режим доступа: <http://www.jvanetsky.ru/>

Габидулліна А.Р. Сучасний письменник-сатирик як мовна особистість // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.31-36

У статті характеризуються мовленнєві особливості творів сучасних письменників сатириків М. Жванецького, М. Задорнова, В. Єрофєєва. Загальною рисою їх ідіостилю є парадоксальність як висловлювання, яке містить суперечність. Охарактеризовані такі стилістичні прийоми створювання іронії, як антитеза, антифразис, каламбур, зевгма, різні види ампліфікації та ін.

Ключові слова: іронія, іронічна мовленнєва особистість, парадокс, антитеза, антифразис, каламбур, зевгма.

Gabidullina A.R. Modern satirical writer as linguistic personality // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.31-36

Linguistic peculiarities of modern satirical writers' works such as M. Zhvanetskij, M. Zadornov, V. Erofeev are characterized in the article. The general feature of their idio-style is paradoxicalness as an utterance with contradiction. Such stylistic devices as making of irony, antithesis, antiphraasis, pun, zeugma, different types of amplification and others are characterized.

Key words: irony, ironic linguistic personality, paradox, antithesis, antiphraasis, pun, zeugma.

Поступила в редакцію 15.03.2013 г.